

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ФЕТА

DOI 10.37386/2305-4077-2025-3-135-146

Н. В. Макшеева¹

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В СТИХОТВОРЕНИИ А. ФЕТА «НА СТОГЕ СЕНА НОЧЬЮ ЮЖНОЙ...»

Стихотворение рассматривается как программное, проявляющее специфические особенности фетовского мировоззрения и, в частности, своеобразие его гносеологии. Подвергается переосмыслению привычное представление о Фете как поэте, способном к фиксации лишь мимолётных впечатлений и раскрытию незначительных тем. Использование культурологического подхода, обращение к семиотически значимым образам позволяет расширить представление о масштабе фетовского творчества, обнаружить внутреннюю логику развития лирического сюжета, в основу которого положен историко-культурный принцип. Цельность сюжета стихотворения обусловлена движением от одной исторической эпохи с определенной картиной мира, – к другой, начиная с Античности и до Нового времени. Таким образом лирический герой Фета проходит все основные стадии развития человеческого духа, путешествуя не только в пространстве, но и во времени.

Ключевые слова: гносеология, семиотика, культурные коды, творчество Фета, поэтический диалог, картина мира

N. V. Maksheeva

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

CULTURAL CODES IN THE POEM BY A.FET "ON A HAYSTACK AT THE SOUTHERN NIGHT..."

The poem is considered as a programmatic one, showing the specific features of Fet's worldview and, in particular, the originality of its gnoseology. The usual idea of Fet as a poet, capable of fixing only fleeting impression and revealing only minor topics, is being rethought. The use of a cultural approach and an appeal to semiotically significant images allows us to expand our understanding of the scale of Fet's work and to discover the internal logic of the

¹ Наталья Вячеславовна Макшеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии. Омский государственный педагогический университет. E-mail:nataliakultur@mail.ru.

development of the lyrical plot, which is based on the historical and cultural principle. The integrity of the poem's plot is determined by the movement from one historical era with a certain picture of the world to another, beginning with Antiquity and up to the New Age. Thus, Fet's lyrical hero goes through all the main stages of the development of the human spirit, traveling not only in space but also in time.

Key words: gnoseology, semiotics, cultural codes, Feta's work, poetic dialogue, picture of the world

П. И. Чайковский считал Фета уникальным художником слова, способным выйти за грань поэзии, максимально сблизив её с музыкой. Стихотворение «На стоге сена» Чайковский называл гениальным, одним из самых совершенных творений в области искусства [Чайковский, 1997, с. 27]. К сожалению, интуитивное проникновение композитора в художественный мир поэзии Фета не нашло еще достаточного обоснования в филологической науке. Анализ стихотворения чаще всего сводится к эмоционально-оценочным суждениям, особенности художественной структуры стихотворения и его концептуальное содержание остаются не вполне проясненными и по-прежнему нуждаются в комментариях.

Обратимся к истории вопроса.

Подробный анализ стихотворения с точки зрения развития лирического переживания дан в статье В. М. Физикова. Опираясь на ритмический рисунок произведения, учёный делает вывод о неоднозначности лирической эмоции, колебаниях чувств, резких переходах от восторга к страху и напряжению в финальной части стихотворения. Уже со второй строфы «нарастает чувство тревоги лирического героя, выливаясь в резкий вместе с тем масштабно космический мотив сиротства, покинутости человека землёю» [Физиков, 2010, с. 48].

Расширить рамки прочтения стихотворения предлагает Т. В. Обласова в статье «Гипертекст стихотворения Фета “На стоге сена ночью южной...”». Исследователь обращается к поэтическому творчеству предшественников Фета (М. Ломоносов, Г. Державин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев) и также к его последователю (А. Кушнер) [Обласова, 2018, с. 111–117].

Ориентируясь на поэтическую традицию М. Ломоносова и Г. Державина, Фет воспроизводит, по мнению автора статьи, высокий одический образ мироздания. Однако смятение лирического героя в финале стихотворения «На стоге сена ночью южной» не позволяет говорить исключительно о положительной эмоциональности стихотворения, восторге растворения души, как это было в одах Ломоносова и Державина [Обласова, 2018, с. 114].

Пограничность лирической ситуации, обрисованной в стихотворении Фета, становится предметом анализа в статье А. В. Кулагина. Ощущение надёжности мироустройства контрастирует здесь с ощущением разверзающейся бездны. Лирический герой испытывает «замирание» и «смятение», и всё же есть «мощная длань» творца, которая не даёт «утонуть» в звёздной «глубине». «Фетовское мироощущение в этом смысле вообще гармонично: его герой слит с миром природы» [Кулагин, 2016, с. 159].

Итак, приведенные концепции показывают, что интерес исследователей сосредоточен по-преимуществу на эмоциональном итоге ночной медитации, на том, насколько гармонично или не гармонично резонирует лирический герой с миром-космосом. При этом априори предполагается, что Фет как поэти-импрессионист на более глубокое откровение не способен, ведь «разум у Фета, как известно, зачастую отключен» [Физиков, 2010, с. 51]

Т. В. Обласова предлагает отнести стихотворение Фета не к философским, а к рефлексивным, «поскольку в нем нет мысли и сколько-нибудь отчетливо сформулированной идеи» [Обласова, 2018, с. 115].

Предваряя подобные суждения, А. Фет писал в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева»: «Не бывает поэтического созерцания без поэтической мысли» [Фет, 2006, т. 3, с. 180]². Тютчев, по определению Фета, – поэт мысли. Но мысль может мерцать в глубине произведения, «озаряя передний план архитектурной перспективы», а может быть выражена в виде готового суждения – аксиомы. Если одна из частей поэтического произведения выделена сильнее других за счет рефлексии, то производимое ей впечатление сильнее и ярче: «придайте поэтической мысли резкость и незыблемость аксиомы, – она сейчас станет в ряду великих истин» (т. 3, с. 180). Но здесь, по мысли автора статьи, очень важно соблюсти баланс, иначе избыток рефлексии может нанести урон творению художника, что и произошло в стихотворении Ф. Тютчева «Итальянская вилла», где «художественная прелесть погибла от избытка содержания». Поэт не совладал со своей рефлексивной натурой и «новая мысль, независимо от прежней, едва заметно трепетавшей во глубине картины, неожиданно всплыла на первый план и закричала на нем пятном» (т. 3, с. 191).

² Произведения А. Фета цитируются по: Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002 – (продолжающееся издание). Далее при цитировании указываются номер тома и страницы в круглых скобках после цитаты.

Говоря о творчестве своего знаменитого современника, Фет характеризует и собственный поэтический метод, пытаясь, в том числе, преподать урок критикам, которые хотят во что бы то ни стало извлечь из текста глубокомысленный философский вывод. Вместо этого нужно научиться идти вслед за поэтом, став соучастником творческого процесса, поскольку «образ своей замкнутостью, а мысль своей общностью и безграничностью вызывают душу созерцателя на восполнение недосказанного, – на новое творчество» (т. 3, с. 181).

Тютчев как истинный поэт обладает поэтической силой – зоркостью к окружающему миру, Он способен видеть предмет с самобытной точки зрения (т. 3, с. 184). Здесь-то, по Фету, и нужно искать поэтическую мысль. Выявление этой самобытности – главная задача читателя, – полноценного участника творческого процесса.

Рассмотрим с этой позиции стихотворение «На стоге сена ночью южной...», обращая внимание на особенности построения поэтического образа. В чём состоит уникальность позиции Фета – «лирика межзвёздных пространств» [Бухштаб 1990, с. 120] на фоне предшествующей литературной традиции?

Не отрицая поэтического влияния Ломоносова и Державина, отметим тютчевское звучание фетовских строк в интересующем нас стихотворении. Б. Я. Бухштаб отмечал, что многие тексты зрелого Фета стилизованы под Тютчева [Бухштаб 1990, с. 120]. Стихотворение «На стоге сена...» не является в этом смысле исключением. Оно воспринимается как «самое тютчевское» стихотворение Фета. Кажется, что поэт здесь не только расширяет горизонты восприятия мира, но и свои поэтические возможности. Поэтическое слово заряжено особой энергией, образы динамичны, экспрессивны. Стихотворение захватывает неожиданной сменой планов изображения, масштабностью лирических событий. Сохраняя таинственность происходящего за счёт неопределённости положения лирического героя в пространстве, поэт отказывается от привычных полутонов, пастельных нежных красок, невесомости лирических образов, от того, что всегда определяло его почерк. Ср. самохарактеристику особенностей поэтического стиля в стихотворении «Поэтам»:

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
 Видеть так радостно тонкие краски,
 В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
 Неба родного мне чудятся ласки. (т. 5/2, с. 9)

Появляется мотив «полета в бездну», заимствованный у Тютчева.

Тютчев в стихотворении «Сны» моделирует образ, явно ориентируясь на концовку оды Ломоносова «Вечернее размышление о Божьем величестве»: «И я в сей бездне углублен, теряюсь, мыслью утомлен».

М. Ломоносов и Г. Державин созерцали звёздное небо, находясь на земле. Позиция наблюдателя не менялась, «углубление» предполагало лишь движение мысли. В стихотворении «Сны» лирический герой Тютчева движется среди звёзд. Поэтическая мечта – «сон» даёт созерцателю особые возможности. Тютчев буквализирует метафору Ломоносова, рисуя погружение в «пылающую бездну»:

И мы плывём, пылающе бездной
 Со всех сторон окружены («Сны»)

Если у Тютчева лирический герой «плывёт», то у Фета «несётся». Полет завораживает, ошеломляет своей стремительностью:

Я ль несся к бездне полуночной
 Иль сонмы звёзд ко мне неслись?

Однако по сравнению с предшественниками Фет не стремится обеспечить логическую связность в передаче сюжета: переходы между строфами, обеспечивающие единство общей картины, отсутствуют. Ср. у Тютчева:

Стихия бьёт о берег свой
 То глас её, он нудит нас и просит...
 («Сны») [Тютчев, 1987, с. 82]

Лирический сюжет стихотворения Фета строится по принципу кинематографического монтажа, где сама граница кадров становится семиотически значимой. Каждый раз от строфы к строфе перед нами возникает новый мир, новая микровселенная. Связь между ними обусловлена только потоком, движением, которое осуществляет лирическое «я».

Если воспринимать происходящее с героем стихотворения буквально, смысл целого оказывается трудно уловим. Непонятно, чем обусловлены резкие переходы от одного плана изображения к другому. Внутренняя логика развития лирического повествования обнаруживается только при обращении к культурному контексту. В каждой строфе есть знаковые образы, сочетание

которых позволяет понять, что лирический герой совершает путешествие не столько в пространстве, сколько во времени. Траектория его движения – культурно-исторические эпохи, каждая из которых чаще всего совпадает с границей отдельных строф. Резкие, часто «немотивированные» переходы от одной строфы к другой обозначают сдвиги сознания, переживаемые при изменении стабильных форм мировосприятия на рубеже культурных эпох. Проследим эту закономерность более подробно.

В первой строке стихотворения А. Фет рисует предельно конкретный образ, четко определяя положение созерцателя во времени и пространстве: «На стоге сена ночью южной». Но уже начиная со второй строки: «Лицом ко тверди я лежал», в тексте появляются слова-сигналы [Гинзбург, 1982, с. 169], наделённые особой культурной семантикой и отсылающие к картине мира древней эпохи. Слово «твердь» отсылает к Ветхозаветной Книге Бытия [Быт 1:1,8] и воспринимается как указание на картину мира древней дохристианской эпохи, когда человек представлял небо как твердый купол, покрывающий землю. В «Илиаде» Гомера (IX – VIII до н.э.) мы можем найти сходные ветхозаветным представления о твердой границе как пределе мыслимого космоса. Так, при описании процесса изготовления щита Ахилла, первым упоминается обод «белый, блестящий, тройной» [Ил., XVIII, 480]. Небо сопоставляется с блестящей поверхностью меди [Ил., V. 504; XVII, 425], бронзы или железа [Од., III,2]. Как известно, получив классическое историко-литературное образование на философском факультете Московского университета, Фет был знатоком античной культуры. Об этом писали В. Боткин, В. Дружинин, А. Голенищев-Кутузов, В. Львов-Рогачевский [Харченко, 2020, с. 224]. На протяжении всей жизни Фет выступал как автор антологических стихотворений и как переводчик римских классиков [Пяткова, 2010].

В последних двух строках первой строфы: «И хор светил живой и дружный // Кругом раскинувшись, дрожал», – раскрываются существенные черты античного мировосприятия. Упоминание «хора светил» «живого и дружного» обращает читателя к античному учению о музыкально-математическом устройстве космоса, развитому в философии Пифагора и Платона³. Предваряя диалог Платона «Тимей», А. Ф. Лосев отмечал, что космос в диалогах Платона

³ Говоря в статье «Два письма «О значении древних языков в нашем воспитании» о древнегреческой культуре, которая дала человечеству идеал всестороннего образования, Фет упоминает «музыку сфер»: «Сущность предметов доступна для человеческого духа с двух сторон. В форме отвлеченной неподвижности и в форме своего животрепещущего колебания, гармонического пения, присущей красоты. Вспомните пение сфер. К первой форме приближаются бесконечным анализом или рядом анализов, вторая схватывается мгновенным синтезисом всецельно, de facto» (т. 3, с. 278).

«видимый, слышимый и вообще чувственно ощущаемый (...) он трактуется как живое и телесное существо» [Лосев, 1994. с. 594–603] Платон, по мнению А.Лосева, представляет принцип существования космоса как «бесконечную материализованность идеального» [Лосев, 1994. с. 603–604]⁴.

В первой строфе стихотворения А. Фет раскрывает античную идею о космосе как живом организме, представляя тело человека, лежащего на стоге сена и видимого мира-космоса изоморфными. Образы рифмуются: «лежал» – «дрожал», да и еще «кругом раскинувшись». Глагол «раскинувшись» соотносится не столько с небом, сколько с тем, кто лежит на стоге сена. Поэт достигает ощущения глубокой сопричастности, живого родства между «я» и миром. Обращение к книге Бытия позволяет прочесть исходную ситуацию, заданную в первой строфе стихотворения, как первотворение мира и человека в их изначальной целостности и гармонии. На уровне культурных соответствий таким золотым веком для Фета была античная эпоха⁵ (т. 3, с. 294).

Неожиданный «сдвиг» при переходе от первой ко второй строфе – следствие трансформации сознания при смене культурных эпох: от античности к средневековью. Происходит разрыв с первоначальной целостностью, утрата чувственного контакта с миром: «Земля, как смутный сон немая / Безвестно уносилась прочь». В средневековую эпоху мир-космос раскрылся по вертикали [Асоян, 1996, с. 20]. Границы исчезли, человеку открылось трансцендентное измерение бытия и вместе с ним страх и ужас, порожденные ощущением греха: «И я, как первый житель рая / Один в лицо увидел ночь». Возможно, речь идет об изгнании человека из Рая вследствие грехопадения и, вместе с этим, о начале человеческой истории. Здесь можно вспомнить знаменитые книги медеевиста Жака Ле Гоффа, который писал о доминирующем в средневековой ментальности чувстве страха и неуверенности [Ле Гофф Ж, 1992].

Начало третьей строфы знаменует ещё одну значимую перемену в мироощущении. Здесь при помощи поэтических средств Фет напоминает о важном открытии, сделанном в следующую историческую эпоху – эпоху Ренессанса. Это

⁴ См. об этом: Козубовская Г. П. Поэзия А. Фета и мифология. М.: Флинта Наука, 2023 (изд.6), 320 с.; Козубовская, Г.П. «Из тонких линий идеала...»: А. А. Фет в зеркале XIX–XXI вв.: монография / Г. П. Козубовская. – Барнаул: АлтГПУ, 2023. – 382 с. – Прим. ред. – Г.К.

⁵ «Один только древний грек – этот благоуханный цветок человечества – всем гармоническим существом вынес на свет Божий атмосферу всесторонней культуры. Во всей вселенной только он один самобытно выступил из заколдованного круга односторонности. Только его идеал – убил Пифона, этого змия неподвижности и мрака» (т. 3, с. 294).

открытие человеческого «я» как скрепы мира. Местоимение «Я», с которого начинается 3 строфа, располагается ровно в центре, разделяя текст на две части по восемь строк. Личное местоимение выделено здесь как композиционно, так и ритмически при помощи единственного в стихотворении спондея. Убедиться в этом можно, обратившись к ритмической схеме, приведенной в статье В. М. Физикова [Физиков, 2010. с. 49].

Центральное положение лирического субъекта обозначено и лексически через образ встречного движения:

Я ль несся к бездне полуночной
Иль сонмы звёзд ко мне неслись?

Первые две строчки третьей строфы заканчиваются риторическим вопросом, а следующие две представляют собой размышление.

Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

Существование, бытийная ситуация в мире-космосе утверждается через мысль. Вспомним картезианскую формулу эпохи Просвещения: «Мысль, следовательно, существую».

В последней строфе созерцаемый мир обретает новое качество – глубину:

И с замиранием и смятением
Я взором мерил глубину.
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

Здесь как бы реализуется тютчевское: «Всё во мне и я во всём».

Человеческое «я» и Вселенная становятся соизмеримыми. Глубина пространства дана через открытие глубины человеческого духа, в котором пробуждается «вкус к бесконечности» – переживание, актуальное для романтического сознания [Асоян, 1996, с. 21].

Стихотворение Фета «На стоге сена ночью южной...» чаще всего трактовали как «описание опыта трансценденции», т.е. выхода за пределы физического мира в иную потустороннюю сферу [Обласова, 2018, с. 115]. Но проведенное исследование показало: поэта интересует не мистический, но историко-культурный опыт человечества, с которым может быть соизмеримо «я» поэта. Фет не стремится раскрыть бытие в его объективной данности, сквозь призму онтологии, он скорее исследует возможности творческого духа, познающего мир.

В стихотворении обозначен существенный принцип, определяющий своеобразие поэтической гносеологии Фета: свобода от мировоззренческих клише, готовых схем и моделей мировосприятия: «Как будто сознательно приходиться к убеждению, что мы – *глубочайшая тайна*, отовсюду окружены иероглифами *открытой тайны*, и понять до очевидности, что все до сих пор предлагаемые ключи чтения – не те, не настоящие, – как будто все это не высшее торжество человека, в бесконечное отличие от животных?» – писал Фет в статье «Два письма о значении древних языков в нашем образовании» (т. 3, с. 280)

Поэт принадлежит своей эпохе, за плечами путь, пройденный человечеством, но этот духовный опыт не обременяет, не препятствует свободной устремленности духа в неведомое. Можно согласиться с выводом исследователей о том, что предметом поэтического изображения в стихотворении становится не акт познания или откровения, не результат открытия, а само мгновение приближения к нему, предчувствие встречи с сокровенным [Обласова, 2018, с. 115]. Казалось бы, это соответствует романтической установке сознания, с его культом бесконечного, воплощаемого, а не воплощённого. Но в стихотворении Фета несколько иная ситуация. На все известные человечеству модели мира, поэт смотрит со стороны, занимая «позицию вневходимости». Поэтическое «я» утверждает своё положение на границе миров. Всё обозревая, все охватывая, оно ничем не владеет и ничем не закрепошено. Это соответствует положению мыслящего субъекта XX и XXI вв., оказавшегося за пределами «единой лестницы прогрессивного восхождения европейской цивилизации» [Библер, 1991, с. 154]. Уникальность современной ситуации, полагает В. С. Библер, состоит в открытии одновременного сосуществования и актуальности разных исторических культур и форм сознания [Библер, 1991, с. 154–160]. Человек осознает себя «в промежутке различных встречных и пересекающихся смысловых кривых», а сама идея культуры трансформируется в идею «границ культур» [Библер, 1991, с. 155]. Таким образом, уходя от единой «объясняющей концепции», обнаруживая многомерность и полицентричность смысловой вселенной, Фет предвзвешивает мирозерцание человека современной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Асоян, А. А.** Картины мира в культурологическом ракурсе / А. А. Асоян // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Выпуск 1: Сб. научных статей. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 143 с.
2. **Библер, В. С.** От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – Москва: Политиздат, 1991. – 413 с.

3. **Бухштаб, Б. Я.** А. А. Фет. Очерк жизни и творчества / Б. Я. Бухштаб. – Ленинград: Наука, 1990. – 137с.
4. **Гинзбург, Л. Я.** О старом и новом. 1-е изд. / Л. Я. Гинзбург. – Санкт-Петербург: Советский писатель, 1982. – 426 с.
5. **Кулагин, А. В.** Фетовские эпитафии в лирике Александра Кушнера / А. В. Кулагин // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2016. – № 4. – С. 155–174.
6. **Ле Гофф, Ж.** Ментальность, мир эмоций, формы поведения / Ле Гофф Ж // Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. – Москва: Прогресс-Академия, 1992. – С. 302–351.
7. **Лосев, А. Ф.** Прембула к диалогу Платона «Тимей» / А. Ф. Лосев // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – Москва: Мысль, 1994. – С. 594–606.
8. **Обласова, Т. В.** Гипертекст стихотворения А. А. Фета «На «стоге сена ночью южной...» / Т. В. Обласова // Филологический класс. – 2018. – № 3 (53). – С. 111–117.
9. **Пяткова, Н. С.** Фет-переводчик Секста Проперция: авторф. дис. канд. филол. наук. Специальность: 10.01.01 – Русская литература.– Томск, 2010. – 26 с.
10. **Тютчев, Ф. И.** Полное собрание стихотворений. – Ленинград: Советский писатель, 1987. – 448с. (Б-ка поэта. Большая серия).
11. **Фет, А. А.** Сочинения и письма: в 20 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т.; редкол.: А. В. Ачкасов [и др.]. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1839–1863 / тексты и коммент. подгот.: Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – 552с.
12. **Фет, А. А.** Сочинения и письма: в 20 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т. – редкол.: А. В. Ачкасов [и др.]. Т. 3. – Повести и рассказы. Критические статьи. – 2006. – 512 с.
13. **Фет, А. А.** Сочинения и письма: в 20 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т.; редкол.: А. В. Ачкасов [и др.]. Т. 5. Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892., не вошедшие в сборники. Кн. 2 / тексты и коммент. подгот. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, В. А. Лукина, Г. В. Петрова. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2015. – 720 с.
14. **Физиков, В. М.** Скромная служба «при тексте»: Работы разных лет о поэзии и прозе / В. М. Физиков. – Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2010. – 416 с.
15. **Харченко, В.** Фет и космос / В. Харченко // Нева. – 2020. – № 4. – 226с.

16. **Чайковский, М.** Жизнь П. И. Чайковского: в 3 т. Т. 3 / М. Чайковский. – Москва: АЛГОРИТМ, 1997. – 616 с.

REFERENCES

1. **Asoyan, A. A.** Kartiny mira v kul'turologicheskom rakurse//Gumanitarnye issledovaniya. Ezhegodnik. Vypusk 1: Sb.nauchnyh statej. – Omsk: Izd-vo OmGPU, 1996 – 143 s.

2. **Bibler, V. S.** Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskih vvedeniya v dvadcat' pervyj vek / V. S. Bibler. – Moskva: Politizdat, 1991. – 413 s.

3. **Buhshtab, B. Ya.** A. A. Fet. Oчерk zhizni i tvorchestva. – Leningrad: Nauka, 1990. – 137 s.

4. **Chajkovskij, M.** Zhizn' P. I. Chajkovskogo: v 3 t. – Moskva: Algoritm, 1997. – Т. 3. – 616 s.

5. **Fet, A. A.** Sochineniya i pis'ma: v 20 t. / In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom) RAN, Kurskij gos. ped. un-t.; redkol.: A. V. Achkasov [i dr.] Т. 1. Stihotvoreniya i poemu. 1839–1863 / teksty i komment. podgot.: N. P. Generalova, V. A. Koshelev, G. V. Petrova / A.A Fet. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2002. – 552s.

6. **Fet, A. A.** Sochineniya i pis'ma: v 20 t. / In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom) RAN, Kurskij gos. ped. un-t. redkol.: A. V. Achkasov [i dr.]. Т. 3. – Povesti i rasskazy. Kriticheskie stat'i / A.A Fet. – 2006. – 512 s.

7. **Fet, A. A.** Sochineniya i pis'ma: v 20 t. / In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom) RAN, Kurskij gos. ped. un-t.; redkol.: A. V. Achkasov [i dr.] Т. 5. Vechernie ogni. Stihotvoreniya i poemu 1864–1892., ne voshedshie v sborniki. Kn. 2 / teksty i komment. podgot. N. P. Generalova, V. A. Koshelev, V. A. Lukina, G. V. Petrova / A.A Fet. – Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2015. – 720 s.

8. **Fizikov, V. M.** Skromnaya sluzhba «pri tekste»: Raboty raznyh let o poezii i proze / V. M. Fizikov. – Sankt-Peterburg: Gelikon Plyus, 2010. – 416 s.

9. **Ginzburg, L. Ya.** O starom i novom. / L.Ya. Ginzburg. – Sankt-Peterburg: Sovetskij pisatel', 1982. – 426 s.

10. **Harchenko, V.** Fet i kosmos / V. Harchenko // Neva. 2020. – № 4. – 226s.

11. **Kulagin, A. V.** Fetovskie epigrafy v lirike Aleksandra Kushnera // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika hudozhestvennyh sistem. – 2016. – № 4. – S. 155–174.

12. **Le Goff Zh.** Mental'nost', mir emocij, formy povedeniya / Le Goff Zh // Civilizaciya srednevekovogo Zapada: Per. s fr. – Moskva: Progress-Akademiya, 1992. – S. 302–351.

13. **Losev, A. F.** Preambula k dialogu Platona «Timej» / A. F. Losev // Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. Т. 3. – Moskva: Mysl', 1994. – S. 594–606.

14. **Oblasova, T. V.** Gipertekst stihotvoreniya A. A. Feta «Na stoge sena noch'yu yuzhnoj. . .» / T. V. Oblasova // Filologicheskij klass. – 2018. – №3 (53). – S.111–117.
15. **Pyatkova, N. S.** Fet-perevodchik Seksta Properciya: avtorf. dis. kand. filol. nauk. Special'nost': 10.01.01 – Russkaya literatura. – Tomsk, 2010. – 26s.
16. **Tyutchev, F. I.** Polnoe sobranie stihotvorenij / F. I. Tyutchev. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1987. – 448s. (B-ka poeta. Bol'shaya seriya).